

5. Аникина, М. В. К проблеме валентности существительных в современном немецком языке / М. В. Аникина // Вестн. Морд. ун-та. – 1995. – № 4. – С. 10–12.
6. Юдина, Н. В. Еще раз о нетривиальной семантике в сочетании прилагательных с существительными / Н. В. Юдина // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. ст. в честь Е. С. Кубряковой / редкол.: В. А. Виноградов, В. Ф. Новодранова, Н. К. Рябцева. – М., 2009. – С. 515–529.
7. Bolshakov, I. A. A Large Database of Collocations and Semantic References : Interlingual Applications / I. A. Bolshakov, A. Gelbukh // International Journal of Translation. – 2001. – Vol. 13, № 1–2. – P. 167–187.
8. Горелов, В. И. Лексикология китайского языка : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1984. – 216 с.
9. 罗彬彬. 英语介词和汉语方位词的词类划分. The Division of Parts of Speech between English Prepositions and Chinese Locative Words. – Jiangxi, China : Nanchang Univ., 2018. – 62 p.
10. British National Corpus, BNC [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Дата доступа : 13.03.2020.
11. Beijing Language and Culture University Corpus Center, BCC [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bcc.blcu.edu.cn/>. – Дата доступа : 20.02.2020.

The article discusses the issues of contrastive combinability analysis of correlated nouns in genetically unrelated English and Chinese languages. On the basis of the analysis of the most frequently collocated words with the English noun *stone* and the correlative Chinese word 石 [shi] in two-word groups presented in the corpora, the main types of similarities and differences in syntagmatic relations of these words are revealed.

Поступила в редакцию 13.04.2020

О. В. Шеверина

АНТРОПОНИМНЫЕ МОДЕЛИ ИМЕНОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. П. АСТАФЬЕВА И Г. БЁЛЛЯ: СОЦИОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье исследуется социопрагматическая информативность структурных антропонимных моделей именования персонажей в творчестве В. П. Астафьева и Г. Бёлля. Установлено, что в ономастическом пространстве произведений авторов функционируют одно-, дву- и трехчленные антропонимные модели, которые характеризуются различной структурной и частотной представленностью, разной степенью инкорпорированности социопрагматической информации, специфика репрезентации которой обусловлена особенностями реализации в коммуникативном акте диапазона зоны приватности.

Имя собственное – неотъемлемый текстообразующий компонент художественного текста, емкое языковое средство репрезентации экстралингви-

стических, национально-специфических коммуникативных традиций и этикетных норм лингвокультурного социума. Особенно ярко художественный антропонимикон демонстрирует национально-культурное своеобразие межличностных отношений посредством различных структурных антропонимных моделей, которые закреплены в речевой практике носителей языка и выбраны автором в зависимости от коммуникативных задач, социального положения и выполняемых социальных ролей именуемого в соответствии с реальной коммуникацией. Их изучение позволяет выявить общее и национально-специфическое в номинации лиц в однотипных ситуациях общения разных этнокультурных сообществ, репрезентированных в текстовом пространстве произведений.

В статье представлены отдельные значимые результаты собственного диссертационного исследования, которые не были опубликованы ранее [1]. Ее целью является установление общего и специфического в функционировании антропонимных моделей именования действующих лиц в творчестве В. П. Астафьева («Последний поклон», «Прокляты и убиты», «Царь-рыба») и Г. Бёлля («Wo warst du, Adam?», «Billard um halb zehn», «Haus ohne Hüter», «Ansichten eines Clowns») в социопрагматическом аспекте.

В художественных текстах авторов первое место по частотности представленности занимает одночленная антропонимная модель. В силу специфики сформировавшихся официальных именословных систем (в русском – трехименной и немецком – двухименной) фиксируются различные структурные варианты одночленной модели в антропонимных пространствах произведений писателей. В творчестве В. П. Астафьева она реализуется посредством *личного имени* (в официальной или неофициальной форме), *фамилии*, *прозвища*, *отчества*, в текстах Г. Бёлля – *личного имени*, *фамилии*, *прозвища*.

Несмотря на тематическую схожесть содержания сюжетных линий произведений (изображение таких микрогрупп, как семья, друзья, соседи, знакомые, военные товарищи и др.), нами установлена различная частотность употребления вариантов *одночленной* антропонимной модели в художественных текстах авторов. Так, в творчестве В. П. Астафьева максимально активной моделью выступает «личное имя», а у Г. Бёлля – «фамилия».

В произведениях В. П. Астафьева личные имена репрезентируют субъективные отношения персонажа к другому действующему лицу. Деривационные возможности личного имени позволяют дифференцировать такие отношения посредством одной номинативной единицы, выражая обширный диапазон дополнительных оценочных значений в пределах той или иной микрогруппы, моделируя отношения «свой – свой», отражая доверительность, близость, родственность, передавая разнообразный спектр субъективной оценки объекта именования и воссоздавая типичность ситуации разговорно-бытового общения.

Наиболее ярко данная закономерность проявляется в повести «Последний поклон», в которой описывается жизнь деревни Овсянка:

1. *«Маня, Витя, Ерина, Андрюша, Толя, Секлета! Простите меня за мое нескромное поведение [2, с. 53]; 2. Очень устали Санька и Ванюха – поочередно несли в гору Петеньку на закукорках [3, с. 130].*

Использование различных форм личного имени в официальной коммуникации репрезентирует отношения по линии «свой – чужой» (когда личный оним употребляется действующими лицами при общении не с родственниками, а с соседями, коллегами, сослуживцами и др.): 1. *Я поперхнулся водой, протолкнул в себя первый глоток и жадно начал пить, затем отлил от чайника и загоготал, глядя на собравшихся путейцев, на **Павлика**, на **Кузьму** [4, с. 348], 2. Тогда капитан гаркнул громче: “**Филипп**, переводи на мотор!” И дядя Филипп выполнил команду точка в точку, не открывая глаз [4, с. 16]. Частотность употребления личного имени в такого вида коммуникации предопределена, на наш взгляд, спецификой выражения диапазона зоны приватности. По мнению Л. В. Куликовой, для социального поведения русских, в том числе коммуникативного, характерны коллективизм, «эмоционально-окрашенные внутригрупповые связи, которые оказывают сильное влияние на поведение. В русской культуре существует большая, чем в немецкой, ответственность друг за друга членов первичных коллективов» [5, с. 93], т.е. субъектные отношения в неблизкородственных группах носят также доверительный и близкодистантный характер, что проявляется непосредственно в обращении друг к другу с помощью различных форм личного имени.*

Особую социопрагматическую информацию инкорпорируют в себе личные имена, которые используются действующими лицами с целью обращения к собеседнику в официальной сфере со строго регламентированными правилами общения. Такое функционирование одночленной модели «личное имя» многократно отмечено нами в романе «Прокляты и убиты», в котором автор описывает события Великой Отечественной войны и жизнь солдат. Специфика речевого поведения в армейской среде устанавливается воинским уставом. При этом использование модели «личное имя» является нетипичным. Вместе с тем, например, командир Зарубин, отдавая приказ солдату об открытии огня по противнику, понимает, что точность выполнения приказа играет решающую роль для всего полка в прорыве немецкой обороны: *«Анциферов! **Федор**! – позволяя себе фамильярность, почти умолял, просил майор Зарубин, – надо попасть» [6, с. 580]. В данном случае обращение к солдату по имени трансформирует приказ в личную просьбу, мольбу, что влияет не только на поведение, но и на внутренний мир адресата и позволяет ему точно выполнить приказ командира. Таким образом, в зависимости от целевых коммуникативных установок в прагматическом содержательно-смысловом компоненте личного имени наряду с имеющейся информацией о факте именовании актуализируется также социально-психологическая ценность имени.*

Фиксация иных номинативных тенденций в произведениях Г. Бёлля, на наш взгляд, является не столько результатом лакунарности словообразовательных возможностей немецкого личного имени, сколько отличием в сложившихся традициях общения.

В творчестве Г. Бёлля личное имя маркирует также семейную сферу, позиционируя коммуникантов как «свой – свой». Однако при конструировании отношений в рамках «свой – чужой» в художественном пространстве произведений Г. Бёлля приоритет отдается фамильному антропониму. Использование модели «фамилия» позволяет выдержать соответствующую дистанцированность в общении между участниками и сохранить их коммуникативную неприкосновенность, поскольку в немецкой культурной традиции высоко ценится зона личной автономии, и немцы ощущают себя прежде всего как индивидуумы, а лишь затем как члены какой-либо социальной группы [7, с. 90–110]. При этом в отличие от русской языковой системы и этикетных коммуникативных норм поведения, в соответствии с которыми при непосредственном обращении к коммуниканту в официальной сфере используется двучленная модель «имя + отчество», в немецком социуме общепринятым является фамилия в сочетании с национально-специфическими этикетными единицами *Herr, Frau*. Однако использование фамилии в прямой речи без соответствующего этикетного маркера (*Herr, Frau*) при разновозрастных и социальных характеристиках коммуникантов может выступать сигналом негативного отношения к именуемому. В этом случае фамилия как социокультурный речевой знак официальной сферы общения приобретает разговорно-сниженную коннотацию. Так, в романе «Глазами клоуна» в телефонной беседе между главным героем и знакомым, к которому ушла его любимая девушка, он использует обращение на «Вы», но называет собеседника только по фамилии, подчеркивая тем самым пренебрежительное отношение к нему: «*Zohnerer, – sagte ich leise, – sind Sie wirklich so menschlich oder...*» ‘Цонерер, – сказал я тихо, – Вы действительно настолько человечны или...’¹ [8, S. 144].

В сфере неофициального общения при выстраивании отношений по линии «свой – чужой» доминирующее положение также занимает именование по фамилии, например, между учащимися одного школьного коллектива, бывшими одноклассниками, несмотря на то, что их объединяют равнозначный социальный статус и возрастные характеристики: *Sieben Jungen in der Klasse hatten keinen Vater mehr: Brielach und Welzkam, Niggemeyer und Poske, Behrendt und er, außerdem Grebhake, aber Grebhake hatte einen neuen Vater, und das Gesetz geheimnisvoller Schonung waltete nicht so sicher über ihn wie über die anderen sechs* ‘У семи мальчиков в классе не было больше отцов: у Брилаха и Вельцкама, у Ниггемейера и Поске, у Берендта, и у него самого, кроме того у Гребхаке, но у Гребхаке был новый отец, и неписаный закон снисхождения применялся к нему не так безоговорочно, как к остальным шестерым’ [9, S. 109].

¹ Здесь и далее перевод с немецкого языка на русский наш. – О. Ш.

Посредством одночленной модели «фамилия» осуществляется обращение к соседям, знакомым, что подчеркивает их дистанцированность от личной, приватной зоны именуемого. На типичность такой референции указывает один из героев Г. Бёлля, который не смог понять, о ком идет речь в беседе, когда знакомого их семьи назвали по имени: *Ich hatte nicht gewußt, daß Züpfner mit Vornamen Heribert hieß* 'Я не знал, что Цюпфнера зовут Хериберт' [8, S. 107].

Использование личного имени в произведениях Г. Бёлля для репрезентации отношений по линии «свой – чужой» фиксируется только в коммуникативных ситуациях, когда членов микрогруппы связывают дружеские отношения. Следующий пример представляет собой отрывок из беседы трех действующих лиц: патера Виллиброрда, госпожи Бах – вдовы убитого на войне писателя Раймунда Баха – с господином Гезелером, работающим в одном из литературных издательств. Первые два персонажа давно знакомы. Патер Виллиброрд является близким другом семьи. Поэтому при обращении к госпоже Бах с целью знакомства с господином Гезелером он называет ее Нелла, а мужа – Рай, но одновременно использует нормативную этикетную официальную форму «Herr + фамилия» при представлении сотрудника издательства: *«Herr Gäseler, – sagte Pater Willibrord lächelnd, – arbeitet an einer Lyrik-Anthologie und würde gern mit dir beraten, welche Gedichte von Rai er aufnehmen soll, liebe Nella»* '«Господин Гезелер, – сказал, улыбаясь, патер Виллиброрд, – трудится над антологией лирической поэзии и охотно посоветовался бы с тобой, дорогая Нелла, какие именно стихотворения Рая следует включить»' [9, S. 27]. Таким образом, с одной стороны, посредством личного имени фиксируются более близкие контакты между коммуникантами, которые могут отождествляться с референцией по линии «свой – свой». С другой стороны, обращение по фамилии устанавливает невидимую, но четкую границу в отношениях «свой – чужой».

Д в у ч л е н н а я антропонимная модель именования в произведениях В. П. Астафьева и Г. Бёлля в соответствии с количественными показателями занимает второе место. В творчестве В. П. Астафьева данная модель представлена следующими вариантами: «имя + фамилия», «имя + отчество», «имя + прозвище». Для художественного пространства произведений Г. Бёлля типично функционирование только модели «имя + фамилия».

Характерной структурной особенностью модели «имя + фамилия» в текстах В. П. Астафьева выступает личное имя, представленное качественной или гипокористической формой, что предопределяет ее функционирование в неофициальной сфере в качестве социального идентификатора носителя имени, являющегося объектом референции в 3-м лице, например: *Я бегаю глазами по фотографии: вот Васька Юшков, вот Витька Касьянов, вот Ванька Сидоров, вот Нинка Шахматовская* [3, с. 155].

В произведениях Г. Бёлля нами зафиксирован единичный случай реализации такого варианта модели: *Die Worte schmeckten nach Blut, nach Aufruhr und Rache, Rache für Ferdi Progulske, den sie am Morgen hingerichtet*

hatten... ‘Слова пахли кровью, бунтом и местью, местью за **Ферди Прогульске**, которого они утром казнили’ [10, S. 59]. Фердинанд Прогульске – подросток, который вместе со своими сверстниками открыто выступал за справедливость и боролся против жестокости в окружающем мире, за что впоследствии был казнен. Называя героя гипокористической формой личного имени *Ферди*, автор тем самым, с одной стороны, иллюстрирует доверительные и дружеские отношения между сверстниками, с другой – имплицитно выражает через образ подростка символ героизма и борьбы.

Модель «имя + фамилия» с личным именем в официальной форме обуславливает ее нейтральную модальность в речевых актах и используется в текстах Г. Бёлля в официальной сфере общения для самоидентификации или идентификации действующего лица при первом знакомстве, а также является маркером уважительного отношения не только между коммуникантами, но и к субъекту номинации, не присутствующему при официальном акте коммуникации: *Ich habe hier Herrn **Heinrich Fähmel** – und Herrn **Robert Fähmel** – welche Verbindung wünschen Sie, gnädige Frau?* ‘У меня здесь телефон господина **Генриха Фемеля** и господина доктора **Роберта Фемеля**. С кем бы вы хотели поговорить, мадам?’ [10, S. 264].

В русском речевом этикете антропонимной моделью, отражающей уважение к людям, старшим по возрасту либо занимающим высший ранг в рамках профессиональных отношений, является модель «имя + отчество», которая выступает в произведениях В. П. Астафьева показателем «социальной зрелости» героев. При этом фонетические варианты одного и того же отчества в составе данной модели могут играть важную смысловозначительную роль. Герой повести «Царь-рыба» Парамон Парамонович Олсуфьев был «большим начальником по путевой обстановке» на пароходе «Бедовом» и характеризовался окружающими как «совершенно неприступной значимости и такой же внешности человек» [11, с. 244], поэтому все обращались к нему вежливо и учтиво *Парамон Парамонович*. И только один человек на пароходе называл его *Парамон **Парамоныч***. Молодой парнишка Аким, который, оставшись без матери и отца, попал в интернат, но больше времени проводил не в школе, а на теплоходе «Бедовый», помогая ремонтировать его. За трудолюбие команда полюбила подростка и попросила Парамона Парамоновича взять его на судно. Начальник парохода настолько привязался к парнишке, что в какой-то степени заменил ему отца. В силу этих обстоятельств официальное обращение сменилось неофициальным. Несмотря на то, что Аким по-прежнему называл Олсуфьева по имени и отчеству, он использовал в данной модели именования стяжательную форму отчества *Парамоныч*, выражая тем самым, с одной стороны, безграничное уважение и благодарность, а с другой – любовь к человеку, который заменил ему отца.

Трехчленная модель именования «имя + отчество + фамилия» имеет низкую частотную представленность и репрезентирует сложившуюся официальную систему имянаречения в русском обществе. Использование данной модели в сфере бытового общения указывает на особое уважение

и признательность к именуемому: *Мой наставник и бригадир, Кирила Мефодьевич Зимин, умел, однако, без разгона, с места, запрыгивать в катящийся вагон, на ходу сцеплял и расцеплял пусть и ржавые форкопы, на ходу же мог соединить или разъединить и перекрыть воздушные рукава и вообще работал как бы играючи* [4, с. 343].

Трехчленная модель в немецком художественном ономастическом пространстве используется единожды и реализована вариантом «имя₁ + имя₂ + фамилия», репрезентирующим национальную официальную форму именования лица в немецком обществе, представленную, как правило, в метрических записях Римско-католической церкви и состоящую из первого (чаще всего паспортного) и второго (или среднего) имен и фамилии.

Таким образом, в ономастическом пространстве художественных произведений В. П. Астафьева и Г. Бёлля функционируют одно-, дву- и трехчленные антропонимные модели. Они характеризуются различной структурной и частотной представленностью, разной степенью инкорпорированности социопрагматической информации в содержательно-смысловом компоненте модели именования действующих лиц. Специфика реализации социопрагматической информации антропонимными моделями устанавливается в творчестве двух авторов в рамках диапазона зоны приватности как маркера социального пространства и личных интенций субъектов коммуникации, определяющих поведение и взаимоотношения героев в различных актах референции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеверина, О. В. Социопрагматическая информативность имени собственного в русско- и немецкоязычном художественном тексте (на материале произведений В. П. Астафьева и Г. Бёлля): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. В. Шеверина. – Минск, 2018. – 165 л.
2. Астафьев, В. П. Забубенная головушка / В. П. Астафьев // Новый мир. – 1992. – № 2. – С. 44–62.
3. Астафьев, В. П. Последний поклон : в 2 т. / В. П. Астафьев. – Изд. доп. и испр. – М. : Мол. гвардия, 1989. – Т. 1. – 336 с.
4. Астафьев, В. П. Последний поклон : в 2 т. / В. П. Астафьев. – Изд. доп. и испр. – М. : Мол. гвардия, 1989. – Т. 2. – 432 с.
5. Куликова, Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты: на материале русской и немецкой лингвокультур / Л. В. Куликова. – Красноярск : РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
6. Астафьев, В. П. Прокляты и убиты / В. П. Астафьев. – М. : Эксмо, 2009. – 800 с.
7. Бойкова, И. Б. Я-пространство как компонент коммуникативного поведения и национальной семантики (русско-немецкие параллели) / И. Б. Бойкова // Русское и немецкое коммуникативное поведение. – Воронеж : Истоки, 2002. – Вып. 1. – С. 100–110.

8. Böll, H. Ansichten eines Clowns / H. Böll. – London : Taylor & Francis e-Library, 2005. – 346 S.
9. Böll, H. Haus ohne Hüter / H. Böll. – München : Deutsch. Taschenbuch Verl. GmbH & Co. KG, 1981. – 266 S.
10. Böll, H. Billard um halb zehn / H. Böll. – 4. Aufl. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1996. – 305 S.
11. Астафьев, В. П. Царь-рыба / В. П. Астафьев. – М. : Дет. лит., 2008. – 429 с.

The article explores the sociopragmatic information contained in structural anthroponymic naming models used to identify the characters in V. P. Astafyev's and H. Böll's fictional works. It has been established that there are one-, two- and three-member anthroponymic models with different types of structural representation and frequency, and different degrees of incorporation of socio-pragmatic information in the onomastic space created by the authors mentioned. The specificity of the socio-pragmatic value consists in scope of privacy zone in the communicative act. The article presents certain essential results of the dissertation that have not been published before.

Поступила в редакцию 16.03.2020

А. К. Шевцова

ТИПОЛОГИЯ И РОЛЬ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДЕТСКОМ ТЕЛЕДИСКУРСЕ НА БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ¹

В статье анализируются и сопоставляются синтаксические типы сравнительных конструкций в речи ведущих детских телепередач на белорусском и английском языках. Подробно рассматриваются прагматические функции данных сравнительных конструкций. Наряду с общими для двух лингвокультур функциями раскрыты некоторые специфические: ироническая функция – в белорусскоязычном медиадискурсе и риторическая – в детских телепрограммах на английском языке.

Современный человек существует в контексте различного рода дискурсов, которые формируют его мировоззрение, особенности коммуникативного поведения, определяют и строят межличностные отношения в социуме, демонстрируя те или иные модели и стандарты. В настоящее время значительное влияние на общество оказывает медийный дискурс, или дискурс средств массовой информации. Он транслирует не только информацию в глобальном масштабе, но и направленно воздействует на зрителя, слушателя, читателя или пользователя Интернета. В особенности такому воздействию подвержена детская аудитория, поскольку именно дети и подростки проводят много свободного времени в среде СМИ. К сожалению, сегодня существует

¹ Исследование выполнено в рамках НИР «Коммуникативный и лингвопрагматический профиль участников детского теледискурса в сопоставительном аспекте» при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор с БРФФИ № Г18М-158 от 30.05.2018 г.).